

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 82.0

DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-467-474

Функциональность приёмов комизма в романе Григория Служителя «Дни Савелия»

Марина Михайловна ГЛАЗКОВА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Советская, 106

✉ rusfilol37@mail.ru

Аннотация. Исследовано комическое как особый модус художественности, заключающийся в выявлении на композиционном уровне структурной функциональности приёмов комического при изображении «рассогласованности миропорядка» на примере романа Г.М. Служителя «Дни Савелия» с помощью персонажей, играющих свои роли и меняющих ролевые маски, чтобы показать относительность всего в мире, кроме абсолютности любви как важнейшей категории вечности. Показано, что в романе «Дни Савелия» применяются различные виды комического: прямая и скрытая насмешка, смеховая символика деталей, стилизация и слияние различных пластов лексики, интертекстуальные включения, новая интерпретация прецедентных феноменов и др. Обоснована концепция, что функциональность комических приёмов в произведении Григория Служителя обширна. Важнейшими функциями комизма являются: повсеместная характеристика образов; выявление главного «стержня» характера протагониста и других героев романа; интерпретация событий, происходящих в «Днях Савелия», через призму восприятия «мудрого ребёнка» – кота Саввы; определение или предсказание судеб персонажей; выражение авторского мировидения, формулировка основной идеи произведения; определение относительности земного бытия посредством проигрывания различных образов в сопоставлении их.

Ключевые слова: комизм речи, модус художественности, рассказчик-повествователь, автор-создатель, ирония, насмешка, смеховая символика деталей, реминисценции, прецедентные феномены, смешение стилей, каламбур, игра словами

Для цитирования: Глазкова М.М. Функциональность приёмов комизма в романе Григория Служителя «Дни Савелия» // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 467-474. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-467-474>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

The functionality of comic techniques in the novel “The Days of Savely” by Grigory Sluzhittel

Marina M. GLAZKOVA

Tambov State Technical University
106 Sovetskaya St., Tambov 392000, Russian Federation

✉ rusfilol37@mail.ru

Abstract. We investigate the comic as a special artistry mode, which consists in identifying at the compositional level the structural functionality of comic techniques when depicting the “inconsistency of the world order” on the example of the novel by G.M. Sluzhittel “The Days of Savely” with the help of characters playing their roles and changing role masks to show the relativity of everything in the world, except for the absoluteness of love as the most important category of eternity. We show that in the novel “The Days of Savely” various types of comic are used: direct and hidden mockery, laughter symbolism of details, stylization and fusion of various vocabulary layers, intertextual inclusions, new interpretation of precedent phenomena, etc. We substantiate the concept that the functionality of comic techniques in the work of Grigory Sluzhittel is extensive. The most important functions of the comic are: the ubiquitous images characterization; identifying the main “core” of the protagonist character and other heroes of the novel; interpretation of the events taking place in the “The Days of Savely” through the prism of the “wise child” perception – Savva cat; determining or predicting the fate of characters; expression of the author’s worldview, formulation of the work main idea; determination of the relativity of earthly life by playing various images in comparison with them.

Keywords: comic speech, artistry mode, storyteller-narrator, author-creator, irony, mockery, laughter symbolism of details, reminiscences, precedent phenomena, mixing styles, pun, word-play

For citation: Glazkova M.M. Funktsional’nost’ priyemov komizma v romane Grigoriya Sluzhittelya «Dni Saveliya» [The functionality of comic techniques in the novel “The Days of Savely” by Grigory Sluzhittel]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 26, pp. 467-474. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-467-474> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Читая роман Григория Служителя «Дни Савелия», вышедшего из печати в 2018 г., нельзя не заметить мощную языковую комическую составляющую, которая содержится почти на каждой странице произведения. В произведении представлена физическая, умственная, моральная и душевная жизнь повествователя, роль которого, несомненно, играет кот Савва, преимущественно выступая субъектом и объектом смехового отношения к себе и другим персонажам.

Остроумный, даже гениальный, кот не только играет роль рассказчика, но и в целом перевоплощается в биографического автора – талантливого актёра и писателя, от природы наделённого незаурядным комическим даром

восприятия реальности. Существующий в романе комизм вызывает реакцию смеха как привилегию любви к жизни, жизнерадостности и полноценности бытия.

Комично начало романа «Дни Савелия», в котором котёнок Савва заявляет о своей неординарности комическим парадоксом: «Признаюсь, с самого начала я был отмечен редкой для своих соплеменников особенностью: я узрел божий мир даже раньше, чем в него попал. Точнее, не мир, а те временные апартаменты, которые называются материнской утробой» [1, с. 17]. Апартаменты, или «тёплый пульсирующий апельсин» для материнской утробы, – это определения явно смешные, но не насмешливые. Это добрый

юмор, призванный описать «великолепные палаты» для рождения и чудесное неотличие» [1, с. 18] от других братьев и сестёр, которое наблюдал, ещё не родившись, котёнок Савелий.

Описывая «первые рассветные недели» [1, с. 8] своей жизни, кот-повествователь обнаруживает редкую среди филологов и писателей способность к самокритике и насмешке над самим собой, заявляя, что его повествование грешит забеганиями вперёд, а также «неуместными слезливыми ностальгическими ретроспекциями, в ущерб сюжету и здравому смыслу» [1, с. 8]. В этой фразе использован сентиментально-романтизированный стиль в столкновении его с литературоведческими терминами.

Процесс создания романа Савелий называет «попыткой» в триллион первый раз привести «в мысленный порядок» «весьма эффективный клубок кошачьих мозгов» [1, с. 18]. Эта цитата представляет собой пример комического самовосхваления в противовес самокритике.

Итак, первые страницы романа уже обнаружили несколько видов комизма: языковые подмены (например, вместо употребления слова «утроба» стоит устаревший термин «апартаменты», означающий «роскошное помещение» [2, с. 69]; лексическая единица разговорного стиля подменена словом из делового профессионального стиля); приёмы смеховой самокритики, насмешки как приёма самовосхваления и демагогии.

Своё детство кот назвал «естественным периодом первоначального накопления» [1, с. 24]. Этот экономический термин демонстрирует эрудицию Савелия. Юмор характеризует его положительно, так же, как и музыкальный термин «фермата» [3, с. 282], означающий знак продления ноты на определённый срок. С помощью этого термина Савва философски размышляет о быстротечности времени. Введение этого термина сделало эти мысли о смерти более оптимистичными. Комическое – очень важный элемент художественности анализируемого романа «Дни Савелия». Комизм – это «эстетическая модальность смыслопорождения, состоящая в архитектурной рассогласованности «я» – героя-плута или чудака с нормативными установлениями миропорядка, которые в сме-

ховом общении предстают не сверхличностными заданностями, а всего лишь ролевыми масками» [4, с. 99]. По словам М.М. Бахтина, комизм «провозглашает весёлую относительность всего» [5, с. 141] и устанавливает свободные контакты между любыми персонажами произведения литературы.

Юмор в романе «Дни Савелия» тоже предполагает личностную уникальность самопроявления героя и «смены масок». Этот процесс, очевидно, был очень важен для Григория Служителя, доверившего все смеховые моменты своему главному персонажу – премудрому коту Савелию – для показа животных пороков людей.

В своём произведении Григорий Служитель некоторые приёмы комизма, а именно те, которые способствуют утверждению правильного отношения к жизни, близкого православным взглядам на мир, вкладывает в уста кота Савелия, делая его по-христиански кротким в отношении людей и стойким и непоколебимым в перенесении страданий. Даже после избиения до полусмерти «чёрным человеком», читающим стихи А.С. Пушкина и доказывающим, что «от судеб защиты нет» [6, с. 323] из поэмы «Цыганы», Савва старательно ищет ему оправдание, а для себя пытается вывести положительные уроки, нужные для дальнейшей жизни. Он не держит зла на «чёрного человека» и прощает своего мучителя. Кот спокойно вверяет себя в руки судьбы, анализируя плюсы и минусы, не озлобляясь ни на какие изменения в ней. Искалеченный Савелий делает выводы, что судьба была благосклонна к нему всегда и продолжает смеяться над некоторыми проявлениями жизни. А смеяться можно только над тем, чего не боишься, что тоже положительно характеризует кота.

Воображая себя настоящим писателем, перевоплотившийся в рассказчика Савва постоянно вносит в свою речь иронию, надевая маску насмешника, например, увидев многоочие в своей писанине, он восклицает: «Благословенны времена, когда многоочиями сочинители прошлого усеивали страницы своих повестей, так что читатель недоумевал, ошибка ли это набора, цензура, или автор просто забыл, что хотел сказать» [1, с. 27]. Кот-повествователь использует для создания комического эффекта и социальные клише

социалистического периода, например: «Какое счастье иметь семью, пускай и неполноценную (вопрос отцовства у нас, как и в большинстве кошачьих семейств, разумеется, никогда не поднимался) <...> Иметь свой кров, пускай и с протекающей дранкой. Иметь стены, пускай и картонные, но свои!» [1, с. 28]. Кот Савва говорит о коробке из-под бананов, как о своей «недвижимости». Жуя «кошачий корм, вываленный дворником на газету», кот Савва одновременно читал газету и «уяснял себе политическую обстановку в стране и мировые цены на углеводороды» [1, с. 29].

Савелий выражает благодарность с комическим преувеличением всем, даже кассирше Зине, которая принесла со склада тару из-под бананов для того, чтобы там жили котята: «И это несмотря на то, как тяжело сейчас с недвижимостью в Москве. Если бы вы знали, как тяжело» [1, с. 32], – иронизирует котёнок. Коробка из-под бананов сопоставлена здесь с московской недвижимостью, что включает «иронический модус» [7, с. 21] и показывает персонажа как остроумную, наделённую талантом юмориста и сатирика личность.

Ещё в античности философы отмечали в своих сочинениях, что страдания не могут быть воплощены в комических формах. Очевидно, поэтому рассказы о детских и юношеских страданиях практически лишены в романе юмористических деталей, и смеховой пафос, особенно скрытые и явные насмешки, и другие, близкие к сатире средства комизма, в главах, где об этом идёт речь, отсутствуют.

Практически лишены полностью юмористических деталей главы, где речь идёт о матери Саввы и о других его родственниках. Исключением являются два эпизода, в которых кот-повествователь с мягким юмором изображает страдания. Одно исключение касается самого кота Савелия, когда его ошпарили, вылив на него стакан кофе. Несмотря на страшную боль, протагонист описал это так: «Говорят, кофе пьют, чтобы взбодриться. Клянусь, ничто и никогда не бодрило меня так, как этот отменный крепкий кофе с тенистых склонов Кении» [1, с. 129].

Выплеснутый обиженной девушкой горячий кофе преследовал кота целых три недели, потому что он от боли «взвился на два

метра и понёсся по округе» [1, с. 129]. Это притом, что погода была холодная, и кипяток не успел ошпарить его шкуру полностью. Оптимистичный кот сделал вывод, что удача была на его стороне.

Интересно, что повествователь для создания комического эффекта дважды, но в разных смыслах повторил глаголы «взбодриться, бодрить». В первом случае речь идёт об удовольствии, доставляемом кофе, а в другом – о физической боли, которую девушка, озлобленная душевной раной от разрыва с любимым, жестоко направила свою боль на кота, проходящего мимо.

Посредством этих глаголов описываются и страдания Витюши, безответно влюблённого в Юлю. Речь идёт о том, что Виктор вдруг почувствовал неизъяснимую нежность к школьному звонку. В углу, где висел звонок, между уроками всегда простаивал Витюша, глядя туда, где висели «две металлические выпуклости с выдающимися гайками посередине, которые будоражили его воображение. Он проникся к звонку загадочным и благоговейным чувством, какое язычник питает к предмету культа. Он зарисовывал звонок карандашом в блокноте. Тонкими штрихами оттенял упругий металл. Старательно выводил грани гаек» [1, с. 70-71]. Автор-повествователь констатирует, что организм Витюши изменялся и взрослел. Кот Савелий как будто уступил в этом эпизоде своё повествование биографическому автору книги. А затем Савва вновь пишет от себя, романтизируя свой рассказ, помещая эпизод с фотографией, где запечатлена выписка Лены из родильного дома, тем самым намекая на то, что у Витюши всё будет хорошо, что его страдания временные, полудетские. Ведь на фото все счастливы: и Лена трепетно обнимает «куль с новорождённым», и особняк Морозовых ещё целый и не развалился, и «угол фотографии закрыт чем-то багровым. Это попал в объектив палец фотографа» [1, с. 77], но было очень красиво и нежно.

Появляющееся несколько раз то у кота, то у Лены фото говорит о его особой важности. Свет уголка – явно деталь символическая, говорящая о надежде на счастье. Фото символизирует молодость, надежду на любовь и радость, которые даются семьей и детьми. О найденной на полке котом Савели-

ем фотографии как о романтической и комической детали одновременно говорит в конце романа Лена, любящая «багровым пятном», оставленным нерадивым фотографом. Сравнивая себя с помятым бумажным листом, она вспоминает: «Опускаешься на землю. ...Скрещииваешь ноги и сидишь так десятилетиями, похожая на скомканный лист бумаги» [1, с. 178]. Также Лена слушает шум в раковине, любит «облачком в углу снимка, которое оказалось всего лишь пальцем фотографа, попавшим в объектив». Но для героини это есть её «тихое бархатное подполье. Надежда на надежду. Никогда не сказанное, никогда не выговоренное, никогда не прозвучавшее» [1, с. 172]. Этот эпизод носит и романтический, и иронический характер. Об этом говорит параллельная трагикомическая деталь: знаком судьбы Лены стала забытая в парке кукла, застывшая до самой весны с раскрытыми для объятий руками, грустная и неподвижная под осенними дождями и зимними снегами. Деталь тоже повторена в романе дважды.

Другая смеховая символическая деталь – смятый лист – характеризует и Лену, и художника Белаквина, и кота Савву, жалеющего людей. Эти пересечения показывают, что судьбы и у людей, и у котов сходны, а также у простых людей и творческих личностей. Только любовь и близость дают ощущение счастья и тем, и другим.

Кот Савелий передаёт иногда трагикомизм людского существования через смеховую символику «рояля с пятиэтажный дом», который тащат русские мужики. Параллельный символ – тяжёлая неудобная одежда, которую носят люди: «на каждый возраст им предоставляются целые гардеробы, набитые нарядами условностей, социальных благоглупостей и всяческих утех. Выбирай, какой хочешь. Но именно эти тяжёлые наряды, всегда сшитые не по размеру, и делают их такими несчастными. <...> И как в кошмарном сне, поначалу человек пребывает в ужасе, но потом, <...> попривыкнув к бессмыслице» [1, с. 139], смиряется.

Сава представлял символ обессиливших в ежедневной суете и борьбе за жизнь с помощью образов огромного рояля и гардероба со страшно неудобной и не по росту сшитой одеждой и показывал в конце иронического

описания, что трудно всем им тащить (рояль) и носить (гардероб), потому что нет настоящей любви у жён к мужьям, отчего можно было «задохнуться» в этом хламе претензий друг к другу [1, с. 139].

Наблюдая за людьми, и кот Савелий, и кот Оливер не переставали удивляться, как они похожи на них, на котов. Вот умозаключение Оливера, созданное в духе иронического обоснования: «Люди обожают умных животных. <...> Они смотрят на нас, как в кривые зеркала. Их умиляет наша недочеловечность. <...> Вид самого умного животного будит в них чувство интеллектуального превосходства» [1, с. 248].

Далее следует уточнение, что Оливер лежал после своей речи «в позе Сфинкса», что означало, что для Саввы его речь была показателем отжившей старины, неактуальности, ведь он говорил очень серьёзно до чрезмерности.

В.Я. Пропп верно подчёркивал, что, хотя в истории русской литературы есть произведения, в которых комическое «по своему стилю и трактовке трагично и сдержанно» (Например, «Записки сумасшедшего» Ф.М. Достоевского или «Шинель» Н.В. Гоголя), но комическое, как правило, не является противоположностью трагического, а «антиномией комического является только серьёзное» [8, с. 7].

Последнее замечание, которое сделал Савелий, отказавшись от предложения Оливера стать начальником «прайда» [9] при Елоховском соборе, следует сразу, хотя он узнаёт «славную» историю о предыдущем начальнике «прайда» и понимает, что речь идёт о его отце Момусе, гениальном коте.

Отца сбила машина, и о его смерти Оливер говорит саркастически: «Отвратительно было видеть скрытый механизм его драгоценного, насмешливого разума раскатанным по асфальту» [1, с. 246]. Ведь смерть его наступила от грузовика, когда Момус был на вершине славы в кошачьем «прайде», а затем, став актёром в цирке, был звездой театра.

Савелий понимает, что унаследовал от отца «драгоценный насмешливый разум». Это очень важное признание героя, которое призвано подчеркнуть, что «насмешливый разум драгоценен», значит, юмор был заложен в натуру протагониста романа кота Савелия.

Комично то, что кот Савелий назвал сброд бродячих котов «прайдом», а своё повествование о жизни в Елохове – паломничеством.

По его мнению, на самом деле Савва искал себе простое пристанище, «я вспомнил о своей паломнической миссии. <...> Я тронулся в путь к храму» [1, с. 216], – писал об этой истории сам Савелий, занимаясь самовосхвалением, для того чтобы поддержать своё настроение после встречи с «чёрным человеком».

Словом «прайд» обычно называют семейство грозных львов, а не голодных и больных котов. Но «два отца-основателя решили устроить настоящую кошачью комму-ну, гавань справедливости и милосердия в океане горя и зла» [1, с. 229]. Назвав приют «прайдом», повествователь вызвал изменение смысла слова на противоположный, что дало комический эффект, потому что в основу высказывания положены журналистские штампы советского времени, вошедшие в широкий публицистический оборот.

Вначале был рай, потому что «Каждый сырый, слабый и обездоленный кот мог прийти сюда и запросто стать членом прайда» [1, с. 232], но на самом деле это было не так, если проигрывала любимая им футбольная команда, то отец Поликарп погружался в запой и не кормил котов: «коты напрасно строились перед ним в каре и по команде хормейстера затягивали песню о пользе регулярного питания» [1, с. 236]. Литературные реминесценции и публицистические штампы использованы здесь в изобилии. Уходя из «прайда», Савва произнёс: «Что я могу сказать? Тень отца преследовала меня всю жизнь. <...> Или нет, мы оба преследовали друг друга» [1, с. 236]. Он не хотел повторять судьбу своего отца и не воспринимал прайд как рай, зная, что устаревший смысл слова «рай», а более современные значения – театр, балаган. Рай превратился в театр – «Весь мир театр и балаган» [10, с. 949].

Все описания жизни кошачьего «прайда» в Елоховском соборе представляют собой комическое преувеличение и диссонанс, противоречивую стилизацию под официально-деловой стиль и под высокий романтический стиль художественной литературы, превращаясь в насмешливое, порой ироничное, да-

же карикатурно-гиперболическое повествование. Здесь широко используется политическая лексика, научные термины, социальные штампы («Каждый сырый, слабый и обездоленный кот мог стать членом прайда» [1, с. 229]; «То первое время совместной жизни все считали парадизом»; отцы-основатели имели «разные взгляды на политический курс прайда» [1, с. 230]).

Одновременно повествователь использует штампы и клише, употребляя такие общественно-политические термины, как «авторитарный режим», «субординация и беззаветное служение общему делу», «построение вертикали власти» [1, с. 230] и многие другие. Для создания комического эффекта автор использует также цитаты из мировой литературной классики («шекспировские страсти», «тень отца Гамлета» [1, с. 233] и др.).

Символические детали, формирующие образы в романе Григория Служителя, тоже комичны или трагикомичны. Их можно подразделить по целевому назначению: а) символы, характеризующие характеры и судьбы героев; б) контрастные и однородные символы. Примером контрастной символической детализации являются, например, знаки на лбах некоторых персонажей из животного и человеческого мира.

Как правило, эта полоса или знак над правой бровью, символизирующие основную черту характера героя и содержащие намёк на дальнейшую его судьбу. У матери Савелия, кошки Глории – это была «милая» белая косая полоска, придающая, по словам повествователя, «трагический оттенок её облику» [1, с. 19].

У Сергея, бросившего беременную Лену, тот же символ является профанным, находясь над правой бровью, представляет собой шрам, оставшийся после драки. Это тоже символ судьбы Сергея и Лены. Об этом говорит то обстоятельство, что брошенная им Елена видит этот знак только в момент его кощунственной лжи, когда он объявляет беременной от него девушке о своём отъезде в Америку [1, с. 61-62].

Особенность знака на лбу связана с лживым и вздорным характером героя: бросая Лену, тем самым он отказывается от своего сына, который должен родиться, и определя-

ет свою дальнейшую одинокую и несчастливую судьбу.

Символ-деталь свидетельствует о будущем драматизме не только его судьбы: любимые две жены, которые у него были, подтверждают ветреность его натуры, которая в результате привела его к одиночеству.

Комической обобщающей деталью образом-символом трагичности судьбы Лены и Витюши являются тапочки, наполняющие огромный шкаф в доме: их видит и кот Савелий. В этом шкафу нет ни одной пары – все тапки разрознены. Символ становится трагикомическим: тапки бережно хранятся, но никто не помнит, кому они принадлежали, и выбросить все боялся, ведь это всё, что осталось от многих умерших родных им людей.

Знак на лбу присутствует и у художника Балаквина. Но это уже символ жестокости, за которую он расплачивается одинокой судьбой и самоубийством. Художник объясняет этот знак так: «на лбу появились короткие горизонтальные морщины. Они похожи на засечки, которые мой дед-охотник оставлял на прикладе ружья, когда убивал какого-нибудь крупного зверя» [1, с. 167].

При этом Балаквин, глядя на себя в зеркало, рассуждает о том, как он изменился внешне. Насечки на лбу появились у него вместо «фирменного ангельского румянца, за который его так любили бабы» [1, с. 167].

Если контрастные символы призваны определить особенность характеров персонажей и одновременно их судеб, то однородные знаки характеризуют героев со всех сторон, определяя главную черту характера одного персонажа.

Например, жизнь Витюши, влюблённого не в его девушку и выросшему без отца, не имеющего в семье ни одного мужчины, с которого можно было брать пример поведения, определена знаками: поломанный драндулет, расшатанный старый лифт; мёртвые, пустые вагончики, которые говорят об одиночестве

и несчастье, но этот персонаж, в конце концов, их преодолел.

Однородные символы имеют комический характер у этого персонажа, очевидно, потому что Витюша был определённо ошибкой своих родителей. Все символические детали – это средства для передвижения, поэтому они передают оптимистическую надежду на исправление его судьбы. И в конце романа мы видим этого героя счастливым, он сподвиг себя на создание семьи, он любит жену и ребёнка.

Таким образом, можно констатировать, что все перечисленные средства комизма, безусловно, призваны в романе осуществлять несколько функций: призваны утверждать главную идею произведения, состоящую в том, что целью жизни является любовь к ближнему своему, а судьба зависит от самого человека и его способности любить, а не от разных внешних обстоятельств.

Приёмы комизма имеют широкую функциональность и используются в романе Григория Служителя «Дни Савелия» на нескольких архитектурных уровнях: метафорическом (комические символы-детали, выступающие маркерами характеров персонажей и их судеб); на лексическом уровне (определяющие гражданский, социальный и профессиональный уровень поведения персонажей); на образном уровне (позволяющие судить о личностной ценности героя); на композиционном уровне (помогающие развитию и продвижению сюжетных схем от рождения до смерти персонажа); на идейном уровне (выявляющие позицию героя-маски и автора-создателя произведения, формирующие особенность его мировидения) и на проблемном уровне (помогающие решить важные для писателя вопросы бытия: смысла исторического развития России, проблему отцов и детей, проблему наследования духовных ценностей, а также определение роли искусства в нашей жизни и многие другие).

Список литературы

1. *Служитель Г.М.* Дни Савелия. М.: Изд-во АСТ, 2020. 384 с.
2. *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. М.: Рус. яз., 1999. 739 с.
3. Энциклопедический музыкальный словарь / отв. ред. Г.В. Келлыш. М.: Большая сов. энцикл., 1959. 327 с.
4. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тмарченко. М.: Изд-во Кулагин; Intrada, 2008. 357 с.

5. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. 505 с.
6. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 5 т. Красноярск: «УНИВЕРС»; ПСК «СОЮЗ», 1999. Т. 2. 768 с.
7. Карасёв Л.В. Философия смеха. М.: Наука, 2004. 385 с.
8. Пропп В.Я. Проблема комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре. М.: Лабиринт, 2007. 256 с.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ОНИКС 21 век; Мир и Образование, 2004. 1198 с.
10. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.

References

1. Sluzhitel G.M. *Dni Saveliya* [The Days of Savely]. Moscow, AST Publ., 2020, 384 p. (In Russian).
2. Krysin L.P. *Tolkovyiy slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory Dictionary of Foreign Words]. Moscow, Russian Language Publ., 1999, 739 p. (In Russian).
3. Kellysh G.V. (executive ed.). *Entsiklopedicheskiy muzykal'nyy slovar'* [Encyclopedic Musical Dictionary]. Moscow, Great Soviet Encyclopedia Publ., 1959, 327 p. (In Russian).
4. Tamarchenko N.D. (sci. ed.-in-chief). *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: a Glossary of Relevant Terms and Concepts]. Moscow, Kulagina Publ., Intrada Publ., 2008, 357 p. (In Russian).
5. Bakhtin M.M. *Sobraniye sochineniy: v 7 t.* [Complete Works: in 7 vols.]. Moscow, Russian Dictionaries Publ., Slavic Languages Publ., 2002, vol. 6, 505 p. (In Russian).
6. Pushkin A.S. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 5 t.* [Completed Works: in 5 vols.]. Krasnoyarsk, "UNIVERS" Publ., PSK "SOYUZ" Publ., 1999, vol. 2, 768 p. (In Russian).
7. Karasev L.V. *Filosofiya smekha* [The Philosophy of Laughter]. Moscow, Nauka Publ., 2004, 385 p. (In Russian).
8. Propp V.Y. *Problema komizma i smekha. Ritual'nyy smekh v fol'klore* [The Problem of Comic and Laughter. Ritual Laughter in Folklore]. Moscow, Labirint Publ., 2007, 256 p. (In Russian).
9. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian Language]. Moscow, ONIKS 21st century Publ., Mir i Obrazovanie Publ., 2004, 1198 p. (In Russian).
10. Stepanov Y.S. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Academic Project Publ., 2004, 992 p. (In Russian).

Информация об авторе

Глазкова Марина Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии, Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Российская Федерация, rusfilol37@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0518-9896>

Вклад в статью: анализ художественного текста, работа с литературными источниками, написание и редактирование статьи.

Статья поступила в редакцию 27.02.2021
Одобрена после рецензирования 15.04.2021
Принята к публикации 22.04.2021

Information about the author

Marina M. Glazkova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian Philology Department, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation, rusfilol37@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0518-9896>

Contribution: literary text analysis, work with literary sources, manuscript drafting and editing.

The article was submitted 27.02.2021
Approved after reviewing 15.04.2021
Accepted for publication 22.04.2021